

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Разбор и опровержение невежественного и безбожного суесловия нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога Слова / Пер. И. Д. Андреева; под редакцией М. Д. Муретова // Богословский вестник 1905. Т. 2. № 4. С. 33–48 (2-я пагин.). (Продолжение.)

бразности и прочихъ, кои мыслятся въ понятіи Слова? Вѣдь многіе изъ этихъ признаковъ тѣсно связаны другъ съ другомъ: описуемое и невидимо,—невидимое и неопредѣлимо, — неопредѣлимое недоступно воспріятію,—а это безстрастно и нетлѣнно,—нетлѣнное же и бессмертно,—бессмертное же вѣчно и безконечно. И все это будетъ принадлежать плоти, дабы она оказалась единосущной Слову въ силу обладанія одинаковой съ Нимъ природой и сущностію, въ силу усвоенія всѣхъ свойствъ, которыя отличаютъ Его существо. И если нужно, руководясь вашими разсужденіями, говорить послѣдовательнѣе, то, такъ какъ плоть по вашему единосущна Слову, а Слово единосущно Отцу, она, согласно вашему допущенію, единосущна Отцу, а также Святому Духу. Въ такую бездну нечестія ввергаетъ васъ эта прославленная неописуемость. Сдѣлаю еще одно небольшое замѣчаніе о томъ, какъ разсужденіе Мамоны и въ другомъ отношеніи приводитъ къ крайнему нечестію,—и до какого безбожія доходитъ онъ, увидимъ отсюда. Вѣдь какъ относительно домостроительства они заблуждаются въ самомъ главномъ, такимъ же точно образомъ и въ ученіи о Богѣ они окажутся заблуждающимися въ самомъ главномъ, безразсудно уловляясь собственными сѣтями, такъ какъ, по тѣсной связи того и другого ученія (о домостроеніи воплощенія и о Божественной Троицѣ), взаимоотношеніе между ними оказывается подчиненнымъ закону равновѣсія или возмездія.

21. Какъ съ одной стороны въ домостроеніи воплощенія естества объединяются въ ипостаси, такъ въ Божественной Троицѣ ипостаси различаются по личнымъ свойствамъ. Но съ другой стороны, какъ въ Божественной Троицѣ ипостаси объединяются въ тождествѣ естества, такъ въ домостроеніи воплощенія

естества разнствуютъ вслѣдствіе существеннаго различія ихъ свойствъ. Поэтому какъ въ воплощеніи они (еретики) не признаютъ отличительныхъ особенностей естествъ, которыя отдѣляютъ ихъ отъ существъ другой природы, такъ и въ Троицѣ они совсѣмъ не должны допускать между ипостасями никакихъ отличительныхъ признаковъ, которыя различаютъ другъ отъ другой ипостаси, какъ мыслимыя обладающими однимъ и тѣмъ же существомъ. И какъ тамъ объ ипостаси, такъ и здѣсь о естествѣ они должны спорить, ибо у нихъ не дѣлается различія въ свойствахъ. Что же сказать на это? А то, что если согласно ихъ допущенію плоть не должна быть описуема ради ея единенія со Словомъ, то и въ другомъ случаѣ (въ вопросѣ о Троицѣ), такъ какъ здѣсь умозаключатъ нужно иначе, чѣмъ въ вопросѣ о воплощеніи, необходимо придти къ подобнымъ же нелѣпостямъ, какъ это мы сейчасъ и покажемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Отецъ не рожденъ, а Сынъ рожденъ, то ради одной и той же природы, по которой Тотъ и Другой тождественны и не различаемы, и Отецъ можетъ считаться рожденнымъ, или Сынъ нерожденнымъ. То же умозаключеніе приложимо и къ Духу Святому. Что же можетъ быть нечестивѣе и безбожнѣе этого? Но оставимъ эти нелѣпости и перейдемъ къ дальнѣйшему.

22. Мамона продолжаетъ: „такъ какъ послѣ этого единенія дѣйствіе становится нераздѣльнымъ, какъ исповѣдуемъ въ догматѣ, а между тѣмъ живописецъ хотя дѣлаетъ образъ одной плоти, однако этой плоти придаетъ и лицо, то вслѣдствіе этого изъ Божества получается чудовище: три лица божественныхъ и одно человѣческое,—а это нелѣпо“. Все время этотъ мудрецъ твердитъ о единствѣ, которое считаетъ нераздѣльнымъ, дабы посредствомъ этого (единства) пока-

зять основательность своего мнѣнія и затѣнить чело-
вѣчество Христа. Почему и говоритъ: „хотя живопи-
сець дѣлаетъ образъ одной только плоти“.... Здѣсь
умѣстно привести мудрое изреченіе, что „Мудрость
не допускающая обличеній заблуждается (Притч. 10,
17) и „мудрость безумца — бездоказательныя слова“
(Сир. 21, 21), и „горе мудрымъ въ себѣ самихъ и
предъ самими собою разумнымъ“ (Иса. 5, 21), потому
что „обезумѣла неразумная душа ихъ и омрачились
мысли ихъ“ (Рим. 1, 21. 22). Они совершенно уда-
лились отъ истиннаго православнаго церковнаго уче-
нія и не предвидятъ, въ какую пропасть влекутъ ихъ
нелѣпости, вытекающія изъ ихъ допущеній. И ни въ
чемъ болѣе они такъ не усердствуютъ, какъ въ усвое-
ніи глупостей: они величаются своимъ позоромъ. По-
истинѣ *слова въ студѣ ихъ* (Филип. 3, 11). Съ своей
стороны и я сказалъ бы такъ разсуждающему и вся-
кому, кто хочетъ такъ думать: допуская на словахъ
два естества, какое изъ нихъ ты признаешь во образѣ
Христа, въ Лицѣ Его, которое было видимо и со-
зерцаемо? Если скажешь—божеское, то сочтешь види-
мымъ непостижимое и невидимое божество Слова,
что будетъ то же, какъ если бы ты сказалъ, что оно
описуемо, ибо все видимое описуемо и ограничено.
какъ подлежащее чувственному воспріятію. Такимъ
образомъ то, чего ты не хочешь приписать плоти, ты
усвояешь божескому естеству. Посему ты не избѣ-
жишь богохульства и не оправдаешься отъ обвиненія
въ безуміи. При своемъ великомъ рвеніи представить
видимое невидимымъ и описуемое неописуемымъ ты,
сбиваемый суетою своихъ замысловъ, впалъ въ про-
тиворѣчіе съ своими словами, ибо невидимое наобо-
ротъ по твоему становится видимымъ и неописуемое
описуемымъ.

Но если ты не дерзнешь сказать такъ, то неизбежно припишешь только одно естество—человѣческое, видимое. Чтобы противопоставить твоей рѣчи соответствующее возраженіе, мы скажемъ, что ты раздѣлилъ ипостась, признавъ Христа простымъ человѣкомъ, и совершенно ясно и очевидно создалъ четверицу. Ты приписалъ особое лицо плоти, сдѣлалъ Христа простою тварію и тѣмъ описалъ Его гораздо болѣе и полнѣе. Но это крайне нечестиво и ложно. И такъ, ты попался въ свои собственные измышленія. Какъ можешь ты избѣжать нелѣпости безумнаго раздѣленія Несторія? Ты явно впалъ въ нее. Несторій именно поэтому отказывался признавать во Христѣ ипостасное единеніе и пустословилъ, что это единеніе было единеніемъ по благоволенію и относительнымъ, такъ какъ будто бы божеское естество не можетъ воспринять въ единеніе другое лицо вслѣдствіе неописуемости. Посему онъ пустословилъ, что Пресвятая Дѣва была не Богородицею, а человѣкородицею. Затѣмъ, что скажешь ты въ виду чудесъ и страданій Христа, въ виду необъятнаго различія между ними? Такъ какъ Слово неописуемо, точно такъ же, какъ и плоть, то ты долженъ приписывать тѣ и другія какъ Слову такъ и плоти, ибо Слово и плоть, по-твоему, ничѣмъ не различаются между собою по отношенію къ неописуемости.

А это не только нечестиво, но и безумно, ибо никто изъ обладающихъ разумомъ не признаетъ, что Слово претерпѣло страданія, и не припишетъ чудесъ плоти. Не сила плоти являетъ чудеса, а при посредствѣ ея всеильное дѣйствіе соединеннаго съ нею Слова совершаетъ ихъ. Въ противномъ случаѣ для тебя упраздняются и чудеса и страданія; ибо если плоть неописуема, то не существуетъ того, что бу-

детъ подлежать страданіямъ. Какимъ же образомъ ты избѣжишь богохульства? Со всѣхъ сторонъ тебя окружаетъ бездна нечестія. И наоборотъ, правильно и сообразно съ существомъ дѣла, чтобы тотъ, кто усвояетъ Слово чудеса и исповѣдуетъ Его неописуемымъ, а плоти соотвѣтственно приписываетъ страданія,—признавалъ, что она описуема. Каждому изъ естествъ должно усвоять то, что ему собственно и свойственно.

23. Затѣмъ онъ говоритъ: „потому что въ плоти (изображеніемъ плоти) и только въ ней (ея) одной онъ описываетъ лицо, свойственное простому человѣку“. А если не описываетъ, что у тебя получится? Если пользоваться способомъ рѣчи Мамоны, то онъ долженъ будетъ допустить особое лицо, отдѣленное даже отъ единого Слова, а также чуждое Его человѣческаго естества, которое описуемо, какъ это утверждаетъ истина и извѣстно всѣмъ здравомыслящимъ и какъ это раньше подробно доказывалось. Отсюда у тебя опять появляется четверица, ибо согласно твоимъ заключеніямъ человѣческое естество отдѣлено отъ Слова, Христосъ раздѣляется, и въ живоначальной и пречестной Троицѣ прибавилось новое лицо. Такъ христоронецъ, изощривъ невоздержный языкъ свой противъ домостроительства, изрыгаетъ хульные рѣчи и, обманывая самого себя разными хитросплетеніями, усвоивъ все заблужденіе лжи, теперь начинаетъ заниматься сочиненіемъ басней, измышляетъ чудовище, соткавъ его изъ пустословія, и наполняетъ душу свою страшилищами, дабы хулы ясно всѣмъ выказали безбожіе, а бредни—безуміе этого писателя и тѣхъ, которые принимаютъ его писанія.

Что же говоритъ онъ дальше, продолжая свою рѣчь?

„То-есть изображая лице и дѣлая Христа тварію и только тварію, какъ будто въ Немъ и нѣтъ божескаго естества“. Слова эти суть плодъ надменія и тупоумія, изъ которыхъ родилось и вышло безбожіе, неосмысленно выступающее противъ пречистой вѣры нашей и подвизающееся противъ праваго ученія. Въ отношеніи къ подобнымъ словоизверженіямъ,—воспользуюсь однимъ изъ отеческихъ изреченій, которыя выставляютъ на посмѣяніе невѣжество этого мудреца,—не лучше ли всего молчаніе? *Не отвѣщай безумному по безумію его* (Притч. 26, 4), написано. Но чтобы мнимые мудрецы и поборники отступничества не сочли себя недоступными для опроверженія со стороны православныхъ и не подумали, что состоящее изъ басенъ и празднословія ученіе ихъ необоримо, мы, хотя стыдно и неприлично имѣть дѣло съ такимъ ничтожнымъ и слабымъ врагомъ, при помощи общихъ всѣмъ людямъ соображеній смѣло поведемъ нападеніе на изобрѣтаемыя ими ухищренія и засады противъ истины, которыя они неразумно противопоставляютъ ей. Они доходятъ до самыхъ нелѣпыхъ и странныхъ мыслей, въ которыя не подобаетъ вдаваться. Безразсудно надмеаясь своимъ плотянымъ умомъ, они составляютъ заключенія, противъ которыхъ всѣ здравомыслящіе и самое существо дѣла. Послѣдствія ихъ стараній не только нечестивы, но и невѣроподобны. Они имѣютъ въ виду одну цѣль, прилагаютъ всѣ усилія и трясутъ, по пословицѣ, всякій канатъ, чтобы ниспровергнуть таинство Христова домостроительства и такимъ путемъ подъ предлогомъ неописуемости уничтожить подобіе Его честнаго образа. Не будетъ страннымъ сказать, что они силятся изгладить память о Самомъ Христѣ. Но со всею справедливостью пусть изречетъ противъ

нихъ премудрая Притча: *иже утверждается на лжахъ, сей посетъ вътры, той же поженетъ птицы парящия, собираетъ же рукама безплодіе* (Притч. 9, 12). Какъ во снѣ они сочиняють вздоръ, который внушаютъ имъ развращенные помыслы и пустыя, обманчивыя созданія нечистой души. А что они, блуждая умомъ, который у нихъ извращенъ, отдаляются отъ истины и отъ праваго пути, ибо постоянно сочиняють чудовищныя положенія и измышляютъ всякій вздоръ, съ этимъ, я думаю, согласится каждый вѣрующій и обладающій разумомъ.

Но пусть они скажутъ, откуда взялъ это ихъ великій учитель? Если изъ богопреданныхъ реченій Духа или изъ наставленій богомудрыхъ отцовъ нашихъ, то пусть укажутъ—гдѣ, и мы умолкнемъ. Если же онъ говоритъ отъ своего чрева, изъ котораго исходитъ ложь, то кто будетъ слушать изрекающаго безуміе? Кто настолько несмысленъ, чтобы допустить, что изображающій Христа дѣлаетъ Его простою тварію и отдѣляетъ божеское естество? Гдѣ на сушѣ или на морѣ въ древнее и наше время слышали про такого человѣка, которому бы пришло это на умъ или который могъ бы принять это измышленное чудовище, глупо сочиненное Мамоною изъ неслыханныхъ небылицъ? Какія же основанія заставляютъ допускать это? Какіе доказательныя силлогизмы и вѣроятныя убѣдительныя соображенія? Если нужно въ опроверженіе ихъ заблужденія выяснять истину, то мы утверждаемъ, что живописецъ скорѣе соединяетъ (чѣмъ раздѣляетъ), когда онъ изображаетъ видимое и во всемъ намъ подобное тѣло, какъ тварь: не уменьшая и ничего не отдѣляя отъ Христа, онъ въ мысли и относительно соединяетъ—естества ли это или иное что, и запечатлѣваетъ единеніе. Получается не только ви-

димый человѣческій образъ Христа и оживляется воспоминаніе вслѣдствіе сходства съ первообразомъ; но даже Слово, хотя Оно неопишимо и неизобразимо по природѣ Своей, невидимо и совершенно непостижимо, вслѣдствіе того, что Оно ипостасно и недѣлимо, одновременно вызывается въ нашей памяти. Но это трудно для нихъ и крайне неприятно, ибо тяжело имъ видѣть Христа, на иконѣ изображаемаго. Такъ Мамона, возставая въ душѣ своей противъ памяти Христа, излилъ всю свою дерзость и злобу противъ поддерживающей память о Немъ Его иконы. При такомъ образѣ мыслей для нихъ возможно даже, когда они слушаютъ и самыя повѣствованія святыхъ Евангелій, какъ стоящія съ иконами въ тѣсной связи и имѣющія одинаковое съ ними значеніе (ибо предметъ иконъ и сказаній одинъ и тотъ же и одна и та же исторія издревле представляется ими), если гдѣ эти повѣствованія говорятъ объ уничиженіи и человѣческой сторонѣ домостроительства Спасителя нашего,—принимать ихъ, какъ иконы, и толковать въ томъ смыслѣ, что они представляютъ Христа тварію и отдѣляютъ Его отъ Слова. А потому должно уничтожить и Евангелія. Самъ Господь говорилъ Іудейскому народу: *что ищите мене убити, чловѣка, иже истину вамъ глаголахъ* (Іоан. 8, 40) и: *Сынъ человѣческій предается на пропятіе* (Мѣ. 26, 2). Вѣдь эти изреченія представляютъ Его состояніе уничиженія и нищеты. И все, что повѣствуется о страданіяхъ и крестѣ Его, иконоборцы должны осмѣивать и поносить. Но никто изъ здравомыслящихъ не помыслить и не скажетъ этого. Посему одинаково недопустимо и поношеніе иконъ.

Что же скажемъ? А то, что какъ вездѣ этотъ пустой богословъ уклоняется отъ истины, такъ явно удалился онъ отъ нея и здѣсь. Слѣдуетъ обратить

вниманіе на то, что какъ раньше, запутавшись во лжи и въ противорѣчіе себѣ, онъ утверждалъ, что изображеніе должно быть тождественно съ изображаемымъ, не зная или не допуская различія между ними, какъ между одушевленнымъ и неодушевленнымъ, разумнымъ и неразумнымъ, и не имѣя представленія о различіи вещей, взаимно противоположныхъ, отчего возрѣнія его оказываются нетвердыми и шаткими: такъ и здѣсь, прибѣгая къ помощи той же мысли, онъ къ своему богословію успѣшно и съ большимъ остроуміемъ и искусствомъ прибавляетъ баснословіе и отождествляетъ образъ съ первообразомъ. И какъ онъ не хотѣлъ различать между святымъ и гнуснымъ, такъ не выноситъ онъ различенія и въ этомъ случаѣ и избѣгаетъ даже мимоходомъ говорить объ этомъ предметѣ. Тотъ, кто думаетъ, что Христосъ, благодаря иконѣ, раздѣляется, допускаетъ не иное что, какъ то, что Христосъ и икона одно и то же. Если бы онъ признавалъ это различіе, онъ не сталъ бы осуждать вещи священные и достойныя почтенія. Побораемый пустою славою и мірскою суетою, обуреваемый себялюбіемъ и страстями, онъ омрачился духовно, лишился свѣта истины, ничего не зная и не представляя, кромѣ видимаго. Человѣкъ земли и съ тяготѣніемъ книзу, не постигъ благодать, скрыто почивающую въ священныхъ предметахъ, какъ примѣнившій умъ свой къ матеріи и тварямъ.

Но этотъ мудрецъ и мыслитель, рѣшившійся такъ разсуждать и доказывать, пусть отвѣтитъ намъ на наши вопросы и размыслитъ о томъ, куда могутъ привести его положенія. Пусть скажетъ онъ намъ прежде всего, у кого изъ христіанъ заимствовалъ онъ эти взгляды? Этому онъ не можетъ ни утверждать, ни доказывать: изобрѣтеніе и злоумышленіе принадле-

жить ему самому. Какую же силою, какимъ образомъ изобрѣтатель новаго ученія согласить свои положенія между собою? Если Христось изображаемый есть только тварь, лишенная божескаго естества, ибо послѣднее не описуемо, то онъ долженъ былъ претерпѣть это (пребыть тварію) еще ранѣе, во время воплощенія, поскольку воспринятая Словомъ плоть ближе къ Нему, чѣмъ икона къ первообразу, потому что подобіе, даваемое изображеніемъ, совершенно было бы только въ случаѣ полного тожества съ первообразомъ. Какимъ же образомъ подражаніе или подобіе можетъ что-либо совершить или претерпѣть, если этого прежде не сдѣлало то, въ отношеніи къ чему оно является подобіемъ? И если говорить такъ о послѣднемъ (первообразѣ) совершенно неразумно и нечестиво, то не крайне ли безумно утверждать это объ иконѣ? Если бы кто-либо сказалъ, что разсужденія Мамоны объ иконѣ правильны, то совершенно послѣдовательно въ виду того, что Христось, явившись среди насъ, дѣйствительно былъ видимъ людьми, а между тѣмъ божеское естество не можетъ быть видимо, пришлось именно по этой причинѣ назвать Его простою тварію, съ отсутствіемъ въ Немъ божескаго естества. Онъ долженъ изображаться именно постольку, поскольку видѣли Его нѣкогда люди, ибо если бы Его не видѣли, не стали бы и изображать. И если по указаннымъ соображеніямъ подвергается укоризнѣ живописецъ, то сколь болѣе терпитъ поношеніе Тотъ, Кто былъ видимъ? Ибо такимъ путемъ единая ипостась Христова раздѣляется и остается простою тварію.

24. Если по просьбѣ одного изъ вѣрующихъ ¹⁾ Христось послалъ ему свой образъ, отпечатлѣнный на

¹⁾ По преданію, Эдесскаго князя Авгаря.

платѣ, то почему другіе подвергаются обвиненію за изготовленіе Его изображеній? Затѣмъ важно выяснитъ слѣдующее. Христосъ, будучи въ состояніи претерпѣть это (быть изображаемымъ), претерпѣлъ или нѣтъ? Если Онъ не былъ въ состояніи претерпѣть, то вполнѣ заблуждается и безумствуетъ тотъ, кто винитъ Его въ этомъ; усилія его оказываются крайне неразумными и бесплодными, потому что ясно, что онъ идетъ противъ самой природы вещей и противъ способа ихъ существованія. То, что существовать не можетъ, по нему существуетъ необходимо; и относительно того, чего обыкновенно не бываетъ, онъ вынужденъ утверждать, что оно есть. Если же Христосъ имѣетъ это свойство (быть изображаемымъ), то напрасно возводится обвиненіе на живописца или зрителя. Упомянутое обстоятельство (изображеніе на платѣ) было вызвано не дѣйствіями живописца или зрителя, а самимъ изображаемымъ и созерцаемымъ, Его способностію претерпѣвать это. Итакъ, Самъ Тотъ, Кто былъ созерцаемъ и изображенъ, Кто сошедши по преизобилію челоуѣколюбія, явилъ Себя намъ въ униженіи видимымъ и изображаемымъ, оказался главною причиною Своего же раздѣленія и наименованія Его тварію. Отсюда на Христа, повидимому, новое обвиненіе: иконоборцы ругаются надъ Нимъ и поносятъ Его за то, за что должно бы чтить Его и поклоняться Ему, какъ благодѣтелю. Благодѣяніе воплощенія обращается въ безславіе и безчестіе. Что это (изображать Христа) гораздо болѣе позорно и безбожно, согласно положеніямъ нашихъ противниковъ, объ этомъ говорилось достаточно раньше.

Но если въ этомъ пунктѣ противники наши должны отступить, то у нихъ готово другое богохульство, именно, что Слово необходимо описывается вмѣстѣ

съ плотію, о чемъ они всюду трубятъ, и къ прежнимъ прибавляютъ новую неправду. На это слѣдуетъ отвѣ-
 тить такъ: во время воплощенія Слово стало описы-
 мымъ по собственной неизреченной природѣ или нѣтъ?
 Если Оно стало описуемо въ этомъ смыслѣ, то нужно
 допустить, что Оно описывается и изображеніемъ.
 Если же нѣтъ, то какое основаніе заставляетъ при-
 знавать, что въ изображеніи Оно описывается такъ
 же какъ плотъ? Какимъ образомъ Оно претерпитъ то,
 чего Оно не претерпѣло, когда воспринимало описуе-
 мую плотъ? Такимъ образомъ, хотя они и уличаются
 въ своихъ безумныхъ и безстыдныхъ умыслахъ про-
 тивъ нашей вѣры, однако они полагаютъ, что одно
 это странное соображеніе въ состояніи поддержать
 ихъ пустое ученіе; такъ что будто бы они сразу этимъ
 путемъ достигаютъ своей цѣли и изобличаютъ въ
 лжи сказавшаго: *Слово плоть бысть и вселися въ ны*
 (Іоан. 1, 14), а также написавшаго: *понеже убо дѣти*
приобщившася плоти и крови, и Той прискренихъ приоб-
щися тѣхже (Евр. 2, 14), и прочее, что предано намъ
 Евангельскою проповѣдью. Таковы нелѣпости и стран-
 ности, вытекающія изъ нелѣпыхъ допущеній этого
 писателя и поистинѣ достойныя безумія его самого
 и его послѣдователей.

Слѣдуетъ отмѣтить также и то, что священная
 икона Спасителя нашего, согласно только что сказан-
 ному, причастна первообразу. Вѣдь какъ то поруганіе
 и поношеніе, которое претерпѣваетъ теперь образъ
 Его отъ христорборцевъ, причиняется ему ради перво-
 образа, такъ по сходству и соотвѣтственно, какъ каж-
 дый легко пойметъ, образъ естественно наоборотъ
 заимствуетъ нѣкоторую благодать и силу у перво-
 образа. Итакъ, тяжело имъ видѣть Христа на иконѣ.
 И какъ древнимъ Іудеямъ тяжело было видѣть Христа

во плоти, такъ что не вынося Праведника, они говорили Ему: *доколы души наши вземлещи* (Іоан. 10, 24), осыпали Его безконечными клеветами и, наконецъ, предали Его позорной смерти: такъ точно является Онъ невыносимымъ и для современныхъ Іудеевъ изъ за Его честнаго изображенія. Будучи образомъ и подобіемъ Іудеевъ, они ненавидятъ образъ Христа и подобно имъ подвергаютъ Его безконечному поруганію и поношенію и, наконецъ, злобно уничтожаютъ его, какъ іудействующіе беззаконники.

25. Такъ какъ рѣчь у насъ идетъ о воплощеніи, то не неблаговременнымъ считаю къ сказанному присоединить и слѣдующее. Прежде всего мы изложимъ ученіе, которое принимаемъ мы и истина, а потомъ разсмотримъ, право ли или превратно ученіе противниковъ.

Мы, какъ научили насъ богоглаголивые отцы, исповѣдуемъ единаго и того же Христа въ двухъ естествахъ: какъ Бога безначально, безвременно и безтѣлесно сущаго вслѣдствіе тождества Его природы съ Богомъ Отцомъ, и какъ совершеннаго человѣка, явившагося во времени и тѣлесно, вслѣдствіе сродства Его съ Родившей Его тѣлесно и преестественно. Такъ какъ Богъ Отецъ неописуемъ, то мы исповѣдуемъ, что и Христосъ, какъ Богъ, единосущный съ Нимъ, неописуемъ. Но такъ какъ Матерь Его описуема, какъ человѣкъ, тождественный съ нами, то мы исповѣдуемъ, что и Христосъ, какъ человѣкъ и Ей соестественный, описуемъ. Такъ во единой ипостаси явлена двоица естествъ; и въ то же время необходимо и вполнѣ сохраняется, согласно съ истинною, стройность ученія. Содѣлавшись *ходатаемъ Бога и челоуѣковъ* (1 Тим. 2, 5), пребывая Богомъ съ воспринятымъ челоуѣческимъ естествомъ, оставаясь единымъ при двухъ противо-

положныхъ природахъ, Христось, какъ учить насъ богословіе, одинаково и равночестно приобщился каждому изъ обоихъ естествъ и свойствъ, изъ которыхъ состоитъ. Вслѣдствіе общенія и родства съ каждымъ изъ обоихъ естествъ, Онъ пребываетъ единымъ при двухъ, объединивъ ихъ въ Своей ипостаси. Таково ученіе православное.

Если же допустить, что Христось неописуемъ и какъ человѣкъ, то придется упразднить Его естественное (человѣческое) родство съ Родившей Его, слить въ одно естество божеское и человѣческое,— утверждать, что противоположность въ отношеніи другъ къ другу двухъ крайностей несущественна,— отказаться видѣть различіе между Богомъ и человѣкомъ и учить, что они единосущны. Но кто же примирится съ такимъ неслыханнымъ богохульствомъ?

Далѣе рассмотримъ, какъ намъ понять то, что по ихъ предположенію причиною неописуемости плоти Господа является ипостасное единеніе? Такъ ли, что Слово, облекшись въ естество наше, пребывая въ неописуемомъ тѣлѣ Дѣвы, родилось отъ Нея неописуемымъ и по плоти? Можетъ быть, они также допустятъ, что это Ей даровано наитіемъ Святаго Духа, которое такъ измѣнило элементы, что Она, отклонившись отъ естественныхъ человѣческихъ свойствъ, восприняла неописуемое Слово болѣе достойно неописуемаго и болѣе сообразно съ Нимъ. Или же такъ, что Дѣва пребыла въ предѣлахъ Своего естества, но Слово коснулось дѣвственной утробы и предложило въ неописуемое то, что восприняло, т.-е. присутствіе Слова предложило элементы, дѣвственныя крови, въ неописуемое? Это именно допускали исчезнувшіе Аѳтартодокеты, утверждавшіе, что Господь воспринялъ нетлѣнную плоть. И эти Аѳтартодокеты

(допускающіе неопиcуемость) подобное же учать нынѣ о неопиcуемости. Кажется, не будетъ погрѣшностію называть ихъ этимъ именемъ.

26. Если они примутъ первое мнѣніе, то ясно, что воплощеніе Слова не принесло намъ никакой пользы, ибо Оно не восприняло нашего естества, измѣнило естество Родившей и не имѣетъ ничего общаго съ нами по естеству. Но кромѣ того, что такія мысли нечестивы, онѣ и не сообразны. Какимъ образомъ неопиcуемое можетъ обитать въ неопиcуемомъ чувственно и тѣлесно? Тѣло не бываетъ неопиcуемымъ и лишеннымъ чувственныхъ свойствъ. Но что всего нечестивѣе, они отрицаютъ рожденіе Пресвятою Дѣвою, ибо если невозможно неопиcуемое тѣло, то еще невозможно для человѣческой природы родить неопиcуемое. Не дозволительно возвеличивать Дѣву болѣе, чѣмъ подобаешь, ибо чрезмѣрная честь ни въ чемъ не отличается отъ безчестія. Если бы это было допустимо, то Ей можно бы приписать нетлѣніе, безсмертіе и безстрастіе, дабы то, что имѣетъ Слово по природѣ, было усвоено и Родившей. Но что неразумнѣе этого? Чѣмъ тогда Богъ будетъ отличаться отъ человѣка? — Если же они придерживаются второго мнѣнія, то почему съ самаго начала, какъ только Слово коснулось Матерней утробы, не были даны Ея природѣ нетлѣніе, безсмертіе и безстрастіе? Если бы это было такъ, то обитаніе Господа среди насъ и обращеніе съ людьми было бы излишне; Онъ не имѣлъ бы нужды въ столькихъ подвигахъ, въ перенесеніи страданій и въ концѣ всего въ горчайшей крестной смерти—во всемъ томъ, что доставило намъ свободу и спасеніе.

Но можетъ быть они скажутъ, что Слово такъ дѣйствовало потому, что иначе не могло или не умѣло.

Но если бы это имѣло мѣсто, какъ могло бы Оно быть Богомъ? Или какимъ образомъ, содѣлавъ одно, Оно не содѣлало и прочаго? Почему принявъ все, что относится къ человѣческому естеству и подобію, Оно отказалось только отъ описуемости, которая первѣе и ближе всего присуща тѣлу, есть его главный признакъ, такъ что лишать тѣло этого признака значитъ утверждать, что оно не существуетъ. Итакъ, они вынуждены говорить, что Богъ вошелъ въ иное твореніе, принялъ иное естество, а не тѣло наше. Онъ образовалъ для Себя новое тѣло, чуждое нашему существу. Посему, благодаря нашей описуемости, спасеніе для насъ не существуетъ, ибо мы не имѣемъ естества родственнаго съ Нимъ. Почему же Слово, обновивъ природу нашу Своимъ воплощеніемъ, надѣливъ насъ великими благами, безстрастіемъ и нетлѣніемъ и прочимъ, что заключаетъ въ себѣ упованіе будущаго, позавидовало намъ и лишило насъ только одного? Никогда Оно, научая насъ, не обѣщало намъ неописуемости. Ни въ другихъ мѣстахъ Писанія, ни въ ученіи священныхъ наставниковъ слова этого не оказывается. *Подобаетъ бо тлѣнному сему облецися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облецися въ безсмертіе*, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Божественный Апостолъ (1 Кор. 15, 53), и: *сѣется въ уничиженіи, возстаетъ въ славу* (1 Кор. 16, 43). Но чтобы описуемое облеклось въ неописуемость, этого даже доселѣ никто не слыхалъ ни отъ Павла, ни отъ кого другого изъ учителей церкви. Избѣгая лишняго многословія, скажемъ одно: если иконоборцы не согласятся, что пребываніе Христа въ дѣвственной утробѣ было тѣлесно и описуемо, какъ разъясняетъ свѣтъ истины, то что иное остается имъ говорить, какъ не то, что они допускаютъ неописуемое пребываніе Слова въ описуемой